



Исторические науки

УДК 94

А.С. Васильева

В.В. Стрельцов

Васильева Анна Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, ул. Калинина, 13), e-mail: vasanne83@gmail.com

Стрельцов Вадим Вадимович, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, ул. Ярославская, 128), e-mail: vvslexx@gmail.com

МАЛЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ НА КУБАНИ 1920-1930 ГГ.: ИЗ ОПЫТА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА ВКП(Б)

Статья посвящена анализу некоторых форм «малой автономии» национальных групп, дисперсно проживавших на территории Кубани в 1920–1930 гг. Формы их национально-административных образований варьировались от автономного в проведении культурно-национальной политики района до рядового сельсовета, или даже колхоза, но имевшего приставку «национальный». В таких образованиях проводилась по прямому указанию государственных и партийных органов ВКП (б) одновременно политика коренизации для придания нациям, там проживавшим, большего значения во всех областях жизни, начиная с политического, культурного и заканчивая экономическим.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальный район, национальный сельсовет, коренизация, политика.

A.S. Vasilyeva

V.V. Streltsov

Vasilyeva Anna Sergeevna, candidate of philosophy, associate professor of department of philosophy of the Kuban state agrarian university n.a. I.T. Trubilin (13, Kalinina st., Krasnodar), e-mail: vasanne83@gmail.com

Streltsov Vadim Vadimovich, candidate of sociological sciences, lecturer of department of civil law and procedure of the Krasnodar university of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation (128, Yaroslavskaya st., Krasnodar), e-mail: vvslexx@gmail.com

SMALL NATIONAL TERRITORIAL UNITS IN KUBAN 1920-1930 FROM THE EXPERIENCE OF NATION BUILDING CPSU(B.)

The article is devoted to the analysis of some forms of "low autonomy of national groups that dispassionately lived in the territory of the Kuban in 1920–1930. The forms of their national-administrative formations ranged from autonomous in conducting the cultural and national policy of the region to an ordinary village council, or even a collective farm, but had the prefix" national. " In such entities, according to the direct instructions of the state and party bodies of the CPSU (B.), At the same time, the policy of rooting was carried out to give the nations that lived there greater importance in all areas of life, from political, cultural to economic.

Key words: national minorities, national district, national village council, indigenous, politics.

В Советской России коммунистическая власть «практически изначально связывалась с пришедшей к власти партией большевиков с решением ими национального вопроса, поскольку только таким путем могла быть сохранена государственность в границах бывшей Российской империи» [1, с. 106].

Последовавшая в первые годы советской власти федерализация России была выражением стремления большевиков «сохранить государственное единство России посредством включения в ее состав (образования в ее составе) в качестве автономных единиц национальных регионов (как правило, бывших национальных окраин Российской империи)» [2, с. 110].

Прорывные решения большевистской партии в области нацистроительства после окончательного установления советской власти в РСФСР получили признание со стороны национальных меньшинств и способствовали приданию прочного авторитета советской власти в области межнациональных отношений. В свою очередь, в первые годы и даже в первые десятилетия своего существования новая власть выступала в роли защитников национальных меньшинств, являлась во многом выразителем их интересов. Власть позиционировала себя как власть сугубо народная, пролетарская по существу, могущая себе позволить разного рода эксперименты в области нацистроительства, опираясь на поддержку многочисленных национальных групп, больших и малых этносов.

«В научной литературе раннего советского периода отмечалось, что в условиях социалистической революции национальный вопрос – это вопрос становления и развития национальных отношений нового типа, ликвидации фактического неравенства наций, создания новых, социалистических наций, их братского сотрудничества и взаимопомощи на основе принципа пролетарского интернационализма, вопрос строительства различных форм национальной государственности, расцвета и сближения наций, а в будущем и их слияния. Подчеркивалось, что советская федерация является первой в мировой истории федерацией, построенной по национальному принципу» [3,

с. 15].

С этой точки зрения очень интересным и даже уникальным является опыт создания «малых форм автономии» для национальных групп, дисперсно проживавших в среде больших народов, прежде всего, русского народа. В статье рассматриваются малые формы автономии, а именно – национальные районы и сельсоветы, организованные в 1920-е гг. на территории Кубани.

Историографии вопроса посвящен ряд исследований. В частности это монография «Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг.», которая была посвящена зарождению и формам бытования разного уровня национально-территориальных образований на Кубани [4].

В разные годы был опубликован ряд статей, посвященных организации и развитию национальных районов, которых всего насчитывалось четыре: Армянский, Ванновский (немецкий), Греческий и Шапсугский [5–9]. А также многочисленным национальным сельсоветам на территории Кубани, особенно в Сочинском районе [10], проблемам коренизации национальных меньшинств в национальных районах [11].

Одним из важнейших элементов становления административно-территориальных национальных образований низового уровня (районов и сельсоветов) стала коренизация (перевод на национальный язык) делопроизводства и общественной жизни. А также искусственное увеличение доли представителей национальных групп на различного рода руководящих постах, должностях, в структурах власти, культурно-образовательных учреждениях, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и т.д. Ее начало приходится на середину 1920-х гг., что подразумевало перевод делопроизводства районных органов власти, прежде всего документов сельсоветов и т.д., на национальные языки.

Однако перевести всю внутреннюю делопроизводственную работу на национальные языки на практике не удалось. Тому причиной был целый ряд непреодолимых причин и обстоятельств.

Это и то, что делопроизводство районных организаций и сельсоветов изначально велось на русском языке. Технические аппараты, осуществлявшие делопроизводство, не имели возможности набрать технически грамотный персонал из националов, владевших национальными языками, так, чтобы вести на них сложное делопроизводство, осуществлять обратные переводы и т.д. Да и большинство национальных языков употреблялись на разговорном уровне, некоторые даже свою письменность обрели недавно. Многих национальных технических языков, сколь бы то ни было пригодных для осуществления делопроизводства, просто не существовало.

Такое положение было характерным для всех национальных районов на Кубани. Даже для Ванновского (немецкого), где так же просто не было в достаточном количестве специалистов, одновременно владевших двумя языками делопроизводства, немецким и русским на высоком уровне.

Да и сами национальные образования были далеко не однородны этнически, в них нигде доля национальных меньшинств не достигала подавляющих значений.

Низкий уровень перевода делопроизводства в государственных и общественных организациях на родной язык в национальных районах своего края отмечал Северокавказский крайисполком. Руководящий состав национальных районов был укомплектован нацкадрами на 80–85%, председатели сельсоветов – до 100%. В то же время технический аппарат национальных районов на 90–95% состоял из русских, должности различных специалистов – на 70–85% [12, с. 116].

Таким образом, доля управленцев – представителей национальных меньшинств – была подавляющей, в то же время доля специалистов из числа

национальных меньшинств в различных технических отраслях варьировалась от малых до совершенно мизерных величин.

Исходя из сложившегося к середине 1930-х гг. реального положения, партийные и государственные организации власти приходили к осознанию назревшего и очевидного факта. В стране в целом и на Кубани в частности национальные районы и сельсоветы не имели значительных возможностей для полной реализации политики коренизации своих аппаратов, коренизации экономической и в целом политической жизни этих административных единиц. Не было решительной возможности отказаться полностью от русских кадров технических работников, заменить их. Тем более такая политика вызывала у них, у русских трудовых кадров, резкое озлобление и отторжение от проводимой в таких формах национальной политики. Таким образом, спорной становилась и сама возможность свободного развития наций и народностей страны именно в таких формах, в таком виде.

С конца 1920-х гг. на Кубани, как в целом и по всему СССР, действующая власть приступила к организации национальных сельсоветов, колхозов. В своей деятельности их руководство (председатели, их заместители и т. д.) обязано было учитывать требования, запросы и нужды национальных меньшинств, из которых собственно и состояло большинство (значительная часть) жителей, в данный сельсовет входивших.

Так, в «Кущевском районе было организовано несколько немецких и латышских национальных сельсоветов. В Каневском районе был организован армянский национальный колхоз «Трудовая Армения», в который специально поселяли армян со всего северокавказского края» [13, с. 85].

Вероятно, самое численно большое количество национальных сельсоветов находилось в Сочинском районе. Массовое переселение в район представителей национальных меньшинств началось с последней четверти XIX века и вплоть до 1920-х гг.

«Всего в Сочинском районе было 17 сельсоветов, на территориях которых располагался 101 колхоз, из которых было 42 русских, 40

армянских, 8 греческих, 2 грузинских, 2 эстонских, 1 немецкий, 6 смешанных. Одним из первых в 1926 г. в Черноморском округе был образован Сальминский национальный (эстонский) сельсовет» [14, с. 86–87].

Неудачи в политике коренизации сельсоветов также имели причиной низкий уровень перевода делопроизводства на родной язык. А это было одной из главных задач, без которых терялся и смысл проведения декларируемой политики.

Административные национально-территориальные образования районного уровня, как правило, экономически не были самодостаточны, не обладали заметным промышленно-производственным потенциалом, требовали постоянных вливаний денежных средств из бюджетов вышестоящих округов, областей и краев, постоянного притока национальных кадров работников. Однако некоторое время существовала политическая целесообразность существования и национальных районов и в гораздо большем количестве – национальных сельсоветов.

«Она заключалась в том, чтобы на деле показать населению страны, относящемуся к национальным меньшинствам, что советская власть на деле выполняет свои обещания, на деле создает очаги сохранения и дальнейшего поступательного развития национального языка, поступательного развития культуры. В свою очередь народности. Получавшие из рук советской власти национальные автономии различного масштаба, тем самым соглашались с проводимой политикой и всецело поддерживали ее. И таким образом подчеркивали свою поддержку действующей власти» [15, с. 132].

Постепенно, по мере укрепления положения коммунистической власти, необходимость в таких формах популяризации себя в среде национальных меньшинств отпадала. Однако приобретенный опыт весьма ценен, и некоторые его элементы могут использоваться и сегодня в рамках гармонизации межнациональных отношений, для придания динамики происходящим процессам усиления культурной составляющей в развитии дисперсно проживающих этносов на территории России.

Список используемой литературы:

1. *Некрасов С.И.* Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве, 1917–1940 гг. / С.И. Некрасов // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 3. – С. 106–126.
2. Там же. – С. 110.
3. *Праскова С.В.* Национальная административно-территориальная единица: опыт и перспективы использования в России // Академический юридический журнал. – Иркутск, 2012. – № 4(50). – С. 14–24.
4. *Иванцов И.Г.* Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа): монография. – Краснодар, 2013. – 128 с.
5. *Сивков С.М.* Государственно-территориальное строительство на Кубани в 1917–1937 гг. (К 78-летию образования Краснодарского края) // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2015. – № 3. – С. 77–80.
6. *Сивков С.М., Иванцов И.Г.* Национально-территориальное строительство на Северо-западном Кавказе в 1917–1930-х гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С. 96–101.
7. *Иванцов И.Г.* Автономия районного масштаба. Греческий район Северокавказского края. 1930–1938 гг. // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2012. – № 3(49). – С. 92–96.
8. *Иванцов И.Г.* Становление автономии Шапсугского района (1924–1937) // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 4(51). – С. 80–84.
9. *Иванцов И.Г.* Политика Органов ВКП(б) по административно-территориальному обустройству немцев на Кубани (20-е – начало 40-х гг. XX в. (На примере Ванновского национального района) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – № 1. – С. 40–45.
10. *Иванцов И.Г.* Органы внутрипартийного контроля в национальных сельсоветах (на примере Сочинского района). 1920-е гг. – середина 1930-х гг. // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический

опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 376 с. – С. 140–145.

11. *Федина И.М.* Политика «коренизации» национальных меньшинств на юге России в 1920-е гг. // Социосфера. – 2013. – № 1. – С. 155–157.

12. *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: История России. – 2007. – № 3. – С. 111–118.

13. *Иванцов И.Г.* Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа): монография. – Краснодар, 2013. – 128 с.

14. Там же. – С. 86-87.

15. *Рябченко А.Г., Золотарева И.Д.* Особенности малых форм советской автономии на Кубани в первой половине XX века: на примере Армянского района // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2019. – № 1. – С. 130–133.